

ЗАЧЕМ
НУЖНА ЭТА
КНОПКА?

БРЮС ДИККИНСОН

Автобиография пилота и вокалиста
IRON MAIDEN

Брюс Дикинсон
Зачем нужна эта кнопка?
Автобиография пилота
и вокалиста Iron Maiden
Серия «Music Legends & Idols»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34384622

*Зачем нужна эта кнопка? Автобиография пилота и вокалиста Iron Maiden / Брюс Дикинсон; пер. с англ. А. Вильгоцкий: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-119969-2*

Аннотация

Долгожданные мемуары от невероятно многогранного ведущего вокалиста Iron Maiden, одной из самых успешных, влиятельных и долгоиграющих рок-групп за всю историю.

Пионеры только зарождающейся в конце 1970-х годов британской метал-сцены, Iron Maiden пробили себе путь к вершине в немалой степени благодаря незабываемым выступлениям, оперному пению и солисту Брюсу Дикинсону. Как фронтмен Iron Maiden – сначала с 1981 по 1993 год, а затем с 1999 года по настоящее время – Дикинсон был и остается человеком-легендой.

Но роль фронтмена – всего лишь одна из многих шляп, которые носит Брюс. Помимо того, что он является одним из самых известных и уважаемых исполнителей и авторов песен в мире, он также капитан авиакомпании, авиационный предприниматель, мотивационный спикер, пивовар, писатель, радиоведущий и сценарист фильмов. Кроме того, он участвовал в соревнованиях как фехтовальщик мирового уровня. Часто причисляемый к настоящим эрудитам, Брюс излагает множество личных наблюдений, которые гарантированно послужат вдохновением как для поклонников, так и для всех, кто просто хочется зарядиться энергией и что-то поменять в жизни.

Дикинсон превращает свое необузданное творчество, страсть и анархический юмор в увлекательные истории из его жизни, включая тридцать лет в составе группы Iron Maiden, его сольную карьеру, детство в своеобразной британской школьной системе, его ранние группы, отцовство и семью, а также его недавнюю битву с раком.

Смелые, честные и уморительно смешные мемуары – это пристальный взгляд в самую суть жизни, сердца и ума одного из самых уникальных и интересных людей в мире, истинной иконы рока.

Содержание

Предисловие	7
Рожденный в 58-м	10
Жизнь на Марсе	26
Если хочешь школу – ты ее получишь	36
Ангелоподобный выскочка	42
Мечь лосося	50
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Брюс Дикинсон

Зачем нужна эта кнопка?

**Автобиография пилота
и вокалиста Iron Maiden**

*Посвящаю Пэдди, Остину, Грифф и ну и Киа.
Если сама вечность даст трещину,
вы все равно будете здесь.*

Bruce Dickinson

WHAT DOES THIS BUTTON DO? AN
AUTOBIOGRAPHY

Originally published in the English language by HarperCollins
Publishers Ltd.

Печатается с разрешения издательства HarperCollins
Publishers Limited.

Переводчик А. Вильгоцкий

© Jacket design by Claire Ward

© HarperCollinsPublishers Ltd 2017 Jacket photographs

© John McMurtrie (front)

© Ross Halfin (back and spine)

© Paul Harries (author)

© Shutterstock (flaps)

© Bruce Dickinson 2017

© Издательство АСТ

Предисловие

Я два часа кружил над Мурманском, но русские так и не дали нам приземлиться.

– В разрешении на посадку отказано, – сказал диспетчер с русским акцентом, как у мистера Чехова из старого сериала «Звездный путь».

Я не знал, был ли этот диспетчер фанатом Iron Maiden, но уверен, он ни за что бы мне не поверил. Рок-звезда подрабатывает пилотом воздушного судна – невероятно. В любом случае, у меня не было с собой фигуры Эдди на борту, и летел я не на нашем фирменном самолете Ed Force 1. Это была рыбацкая экспедиция.

«Боинг 757» из Astraeus Airlines с двумя сотнями пустых сидений и мной в качестве старшего пилота. Там было всего двадцать пассажиров, летевших из Гетвика в Мурманск. Большинство из них носили имя Джон Смит, и они были бдительными личными телохранителями, вооруженными до зубов. Не то чтобы лорд Хезел-тайн действительно в этом нуждался. Он и сам мог неплохо помахать дубинкой, когда в этом возникала необходимость. Еще там был Макс Гэстингс, бывший редактор Daily Telegraph. Он тоже летел вместе с нами. Я задался вопросом – читал ли русский диспетчер¹ хоть

¹ В оригинале Брюс Дикинсон, говоря о России, употребляет слово «советский», что, конечно же, является ошибкой (*прим, перев.*).

одну из его колонок на первой полосе. Думаю, нет.

– Что за рыба водится в Мурманске? – спросил я одного из Джонов Смитов.

– Особенная рыба, – невозмутимо ответил он.

– Большая? – предположил я.

– Очень большая, – обронил он, выходя из кабины.

В Мурманске располагался штаб российского Северного флота. Лорд Хезелтайн был бывшим министром обороны, а Макс Гастингс знал практически все о вооруженных силах всего мира. Если чего-то не знал, значит, оно того и не стоило.

Раскинувшийся под нами мир был таинственным и смутно различимым под ватным балдахином из низких облаков. Для переговоров у меня имелись рация и старенький мобильный телефон Nokia. Невероятно, но он принимал сигнал в течение половины каждого круга, что самолет делал над аэропортом, так что я мог отправлять текстовые сообщения операторам нашей авиалинии, которые могли поговорить с Москвой через британское посольство. Ни спутникового телефона, ни GPS, ни айпада, ни вай-фая.

Как сказал Джеймс Бонд, обращаясь к Кью в начале фильма «Координаты Скайфолл»: «Пистолет и рация. Ну да, Рождество еще не настало, верно?»

После двух часов блуждания по кругу как в физическом, так и в психологическом смысле правила игры поменялись: «Если вы не уберетесь, мы вас собьем».

Мы развернулись и полетели в Финляндию, в городок Ивало. Я подумал: «Однажды я должен написать книгу об этом».

Рожденный в 58-м

События, которые складываются вместе, чтобы сформировать личность, взаимодействуют между собой причудливым и непредсказуемым образом. Я был единственным ребенком в семье, и до пяти лет меня воспитывали бабушка с дедушкой. Ребенок не сразу понимает, какова внутренняя динамика в его семье, и мне понадобилось довольно много времени, чтобы с этим разобраться. Я понял, что мое воспитание проходило в атмосфере, сотканной из чувства вины, безответной любви и ревности, но эти вещи перекрывали чувство долга и стремление сделать все как можно лучше. Сейчас я понимаю, что старшие не испытывали ко мне особой привязанности, но проявляли разумное внимание к деталям. Учитывая обстоятельства, все могло сложиться намного хуже.

Мать моя забеременела еще в юности и наскоро выскочила замуж за солдата, который был немного старше ее. Его звали Брюс. Мой дед по материнской линии приглядывал за их воркованиями, однако он не был ни психологически, ни морально достаточно строгим, чтобы надлежащим образом справиться с этой задачей. Подозреваю, что он тайком даже симпатизировал молодым любовникам. В отличие от бабушки, чье единственное дитя было похищено негодяем, который был даже не северянином, а чужаком с равнин и зага-

женных чайками пустошей побережья Норфолка. Восточная Англия: болота, болота и еще раз болота – мир, который веками служил домом для нонконформистов, анархистов, нищих, но крепких духом людей, мир нелегкой жизни, нехитрые блага которой приходилось с большим трудом вырывать из пересохшей после мелиорации земли.

Мама, миниатюрная девушка, работала в обувном магазине. Однажды она выиграла стипендию в Королевской балетной школе, но ее мать запретила ей ехать в Лондон. Вынужденная отказаться от осуществления этой мечты, она взялась за следующую, и та сбылась – на свет появился я. Я видел ее фотографию в возрасте около четырнадцати, где она стояла на пуантах. Невозможно было поверить, что эта преисполненная наивной радости, похожая на пикси² старлетка³ – моя мать. На этой фотографии, что стоит у меня над каминном, запечатлено все, что могло случиться в ее жизни, но не случилось. Потом танцы исчезли, и все, что ей оставалось, это выполнять свои обязанности – и надираться чертовым джин-тоником.

Мои родители были так молоды, что я не могу сказать, что бы я делал, окажись вдруг на их месте. Смысл жизни состоял в том, чтобы получать образование и двигаться вперед, пробиваясь за пределы рабочего класса. Единственным по-

² Пикси – крошечные создания из английской мифологии, считаются разновидностью эльфов или фей (*прим, перев.*).

³ Молодая девушка, стремящаяся сделать карьеру в шоу-бизнесе (*прим, перев.*).

роком было недостаточное рвение.

Отец мой был настроен весьма серьезно в отношении большинства вещей, и он был очень упорным. Выходец из большой семьи, он был сыном деревенской девочки, проданной в услужение в возрасте двенадцати лет, и строителя, который любил разъезжать на мотоцикле и возглавлял футбольную команду в Грейт-Ярмуте. Больше всего в своей жизни отец любил автомобили и механизмы, планирование, дизайн и чертежное дело. Он любил машины и езду на них, но считал, что законы об ограничении скорости к нему неприменимы, как и положение о ремнях безопасности и запрет на вождение в пьяном виде. Потеряв водительские права, он завербовался в армию. Добровольцам платили больше, чем призывникам, а кто именно будет водить их джипы, военных, казалось, не очень заботило.

Права ему тотчас же восстановили, выдав водительскую лицензию армейского образца – а благодаря своим инженерным талантам и умелым рукам он получил работу по составлению планов на случай конца света. Сидя за столом в Дюс-сельдорфе, он аккуратно выводил круги, изображавшие гибель миллионов людей, которая должна была последовать в случае предполагаемого перехода холодной войны в ядерный апокалипсис. Оставшееся время он проводил, поглощая виски, чтоб заглушить скуку и безнадегу всего этого. Еще когда он состоял на службе, этот мускулистый чемпион Норфолка по плаванию произвел сногшибательное впечатление

на мою маму, которая была тогда похожа на беспризорную балерину.

Как нежеланный отпрыск человека, что похитил из лона семьи ее единственную дочь, в глазах своей бабушки Лили я олицетворял исчадие Сатаны, но для дедушки Остина был почти что его собственным сыном. В течение первых пяти лет моей жизни они были фактически моими приемными родителями. По меркам раннего детства это было вполне прилично. Мы подолгу гуляли в лесах, ковыряли кроличьи норы, встречали живописные равнинные зимние закаты и любовались мерзлыми сугробами, мерцающими под лиловым небом.

Родители мои проводили время, колеся из одного ночного клуба в другой, где они зарабатывали деньги, показывая шоу с дрессированными собачками – обтягивающие цирковые костюмы, прыгающие сквозь обруч пудели. Поди разберись.

Цифры 52 на номерной табличке нашего дома по Мэнтон-Кресент были выкрашены белой краской. То был стандартный кирпичный муниципальный жилой дом, стоявший впритирку с другими. Дед мой трудился в глубокой шахте Мэнтонского угольного прииска.

Он был шахтером с тринадцати лет. Слишком маленький, чтобы работать легально, он хитро и бесцеремонно лгал о своем возрасте, а также о росте, который, как и у меня, был не очень высоким. Чтобы обойти правило, гласящее, что

«работник является достаточно высоким для спуска в шахту, если висящий у него на поясе фонарь не касается земли своим шнуром», он просто завязал на шнуре пару узлов. Дед был близок к тому, чтобы отправиться на войну, но дошел только до садовой калитки. Он был членом Территориальной армии, работая там волонтером на полставки, но, поскольку профессия шахтера давала освобождение от призыва, сражаться на фронте ему не пришлось.

И вот он стоял, одетый в форму и готовый отправиться воевать во Францию вместе со своим взводом. То был один из моментов в духе фильма «Назад в будущее» – моментов, определяющих последующие события. Стоило ему тогда отворить калитку и отправиться на войну вместе со своими товарищами – и многое в будущем могло не случиться, включая мое рождение. Бабушка стояла рядом, вызываясь скрестив руки на груди. «Если ты уйдешь, черт возьми, то когда вернешься, меня здесь уже не будет», – сказала она. Он остался. Большая часть его полка так и не вернулись домой.

Благодаря тому что дедушка был шахтером, мы получили муниципальный дом и бесплатную доставку угля, а искусство розжига, дарившее нашему дому тепло, сделало меня пироманом на всю оставшуюся жизнь. У нас не было телефона, холодильника, центрального отопления и внутреннего туалета. Холодильники мы одалживали у знакомых, а также у нас была небольшая кладовка, сырая и холодная. Для приготовления пищи использовались две электрические плиты

и угольная печь, хотя электричество считалось роскошью, злоупотребления которой следовало избегать любой ценой. У нас был пылесос, а также мое любимое устройство – каток для белья, который при помощи двух вращающихся валиков отжимал из постиранной одежды воду. Огромная ручка приводила эту машину в действие, а простыни, рубашки и брюки прокручивались между валиками и падали в подставленное ведро.

Меня купали в переносной пластиковой ванне, а дедушка возвращался домой чистым, помывшись в рабочей душевой. Иногда он приходил из паба, испуская запах пива и лука, заползал на кровать рядом со мной и засыпал, громко храпя. В проникавшем сквозь тонкие занавески свете луны я мог видеть покрывавшие его спину синие шрамы – сувениры подземной жизни.

У нас был сарай, в котором взрослые с непонятной мне целью стучали молотком по кускам дерева. Для меня этот сарай был местом, где я мог спрятаться. В моих фантазиях он превращался в космический корабль, замок или подводную лодку. Две старых железнодорожных шпалы, что лежали в нашем маленьком дворе, служили мне парусным судном, и с его борта я часто ловил акул, что жили в трещинах бетона. У нас был участок земли, где росло несколько хризантем. Жизнь их была недолгой – в одну из Ночей костров⁴ они

⁴ Ночь костров (также Ночь Гая Фокса) – традиционное для Великобритании ежегодное празднование (но не государственный праздник) в ночь на 5 ноября.

сгорели дотла, подожженные сбившимся с траектории фейерверком.

Домашних животных у нас не было, за исключением золотой рыбки по имени Питер, которая прожила подозрительно долго.

Но что у нас было, так это... телевизор. Его присутствие полностью изменило направление моего раннего существования. Через линзы телевизионного экрана – семь или восемь дюймов в поперечнике, с зернистым черно-белым изображением – в наш дом вошел большой мир. Телевизор работал на клапанах, и ему требовалось несколько минут, чтобы разогреться, а когда его выключали, свечение экрана начинало медленно затухать – само по себе неповторимое и уникальное зрелище, за которым было очень интересно наблюдать. Некоторые люди приходили к нам в гости не для того даже, чтобы посмотреть передачу, а только чтобы полюбоваться этим свечением и погладить экран – таким вот мистицизмом обладал наш телевизор. На его передней панели располагались похожие на инструменты оккультиста кнопки и циферблаты, которые нужно было крутить, словно дорожки кодового замка, чтобы настроиться на один из двух доступных каналов.

Информацию о внешнем мире – то есть обо всем, что находилось за пределами Уорксапа – мы главным образом получали из слухов и сплетен, а также из газеты *Daily Mirror*. После прочтения газету всегда использовали, чтобы разжечь

огонь, и обычно я узнавал новости через два дня после их появления, аккуратно перед тем, как они отправлялись в преисподнюю. Помню, когда я прочитал заметку о том, что Юрий Гагарин стал первым человеком, отправившимся в космос, то долго смотрел на его фотографию и думал: как же такое можно сжигать? Я сложил страницу в несколько раз и сохранил ее.

Если нужной информации не находилось среди сплетен или в старой газете, в окружающий мир нужно было позвонить. Большая красная телефонная будка служила для всего района рассадником кашля, простуды, гриппа, бубонной чумы – назовите как угодно, и вы угадаете. В часы пик там всегда толпилась очередь. Чтобы сделать звонок, нужна была адская комбинация нажатий кнопок и поворотов циферблата, а для долгих разговоров приходилось брать с собой ведро с мелочью. Это было похоже на очень неудобную версию Твиттера, где количество разрешенных слов было нормировано заплаченными деньгами, а разговаривать приходилось, стоя под мстительными взглядами еще двадцати человек из очереди, ждущих, когда наступит их черед прикоснуться губами к пропахшему дымом и покрытому чужой слюной мундштуку телефонной трубки и приложить к уху ее покрытый потом и волосами противоположный конец.

Живя в Уорксопе, следовало соблюдать определенные правила поведения, но общий этикет уличного общения был весьма расслабленным. Было мало преступлений, а автомо-

бильное движение практически отсутствовало. Если моим бабушке или дедушке нужно было куда-нибудь отправиться, они шли пешком или садились на автобус. Идти на работу пять или десять миль через поля было просто их привычкой – и я тоже это делал.

Вся наша окрестность постоянно находилась в состоянии посменной работы. Если днем занавески на верхнем этаже чьего-то дома были плотно задернуты, это означало: «Шагайте потише – шахтер спит». Задернутые шторы возле входа говорили: «Проходите мимо – здесь лежит покойник в ожидании вскрытия». Если верить моей бабушке, эта отвратительная практика была довольно популярна. В полной, смертельной тишине я сидел в нашей передней комнате – всегда холодной, украшенной деталями конской сбруи и подсвечниками, которые постоянно нужно было полировать, – и представлял, где может лежать мертвое тело.

Но в течение вечера атмосфера менялась, и дом превращался в оживший мультфильм Гэри Ларсона. В нем внезапно разворачивалась настоящая парикмахерская, со складными стульями и обилием синего цвета, гудевшая, как пчелиный улей. Женщины с широкими коленями и полиэтиленовыми пакетами на головах долго сушили волосы под нагревательными лампами, а бабушка завивала их локоны горячими щипцами, от чего комнату наполнял ужасный запах мокрых волос и дешевого шампуня.

Моим спасением от всей этой рутины был мой дядя Джон.

Он существенным образом повлиял на мой выбор дальнейшего жизненного пути.

Начать стоит с того, что он не был моим родным дядей. Он доводился мне крестным отцом и был лучшим другом моего дедушки. Он служил в Королевских военно-воздушных силах и участвовал в войне. Перспективный парень из рабочего класса, он попал в сети расширения ВВС, где требовался целый ряд редких технологических навыков, и стал одним из учеников Тренчарда⁵. Работавший инженером-электриком во время осады Мальты старший сержант авиации Джон Букер пережил некоторые из самых жестких бомбардировок острова, который Гитлер стремился сокрушить любой ценой.

У меня сохранились его медали, а также выданный ему на службе экземпляр Библии, в которой были особо отмечены строчки, что могли поддержать моральный дух в минуты, когда события становились особенно мрачными. Сохранились фотографии, на одной из которых он запечатлен в полном летном обмундировании, собирающийся «за компанию» отправиться в ночной рейд британской авиации. Поскольку он был членом наземного персонала, ему совершенно не нужно было в этом участвовать, и он поступил так только ради острых ощущений.

Пока я сидел у дяди на коленях, он потчевал меня истори-

⁵ Хью Монтегю Тренчард (1873–1956) – британский военачальник, маршал Королевских ВВС (*прим, перев.*).

ями о самолетах. Он разрешал мне потрогать свои любительские авиамодели: посеребренный Spitfire и латунный четырехмоторный Liberator, диск пропеллера которого был выплавлен из плексигласа с настоящего сбитого Spitfire, а зеленая фетровая подкладка, на которой покоилась модель, была сделана из покрытия бильярдного стола, которое дядя взял в разбомбленном клубе на Мальте. Он говорил о дирижаблях, об истории машиностроения в Великобритании, о реактивных двигателях, бомбардировщиках Vulcan, морских сражениях и летчиках-испытателях. Вдохновленный его рассказами, я, как и многие другие мальчики моего поколения, часами сидел, мастеря модели самолетов, подолгу возился, наклеивая опознавательные знаки. Позднее появилась возможность делать это с помощью переводных картинок, что было значительно удобнее. То, что моим пластмассовым пилотам вообще удалось выжить в бою, было настоящим чудом, учитывая, что их тела были целиком измазаны клеем, а парашюты покрыты отчетливо видными отпечатками моих пальцев. Удивительно, но модельная мастерская в Уорксопе, в которой я создавал свои пластмассовые ВВС, стояла на своем прежнем месте, когда я в последний раз приезжал туда по случаю похорон моей бабушки.

Поскольку дядя Джон был человеком технического склада, он обустроил себе собственный пруд размером с водохранилище Мёнезе⁶, полный золотых рыбок породы крас-

⁶ Водохранилище на реке Мёне в западной Германии (*прим. перев.*).

ная оранда и искусно защищенный проволочной сеткой. Дядя ездил на превосходной машине марки Ford Consul, которая, конечно же, всегда находилась в безупречном состоянии. Именно эта машина привезла меня на первое в моей жизни авиашоу в начале шестидесятых, во времена, когда здоровье и безопасность считались ценностями слабаков, а термин «шумоподавление» еще даже не вошел в обиход.

Сотрясающие землю самолеты вроде «Вулканов» запросто могли снести своими гигантскими дельтовидными крыльями, когда выполняли вертикальный крен, а истребитель English Electric Lightning, фактически являвший собой сверхзвуковой фейерверк с оседлавшим его человеком, летал задом наперед, почти втыкаясь хвостом во взлетно-посадочную полосу. Мощные штуковины.

Дядя Джон познакомил меня с миром машин и механизмов, но столь же сильно меня привлекали и паровозы, которые в ту пору все еще ездили туда-сюда через уорксопскую железнодорожную станцию. Пешеходный мост и вокзал с тех пор практически не изменились и сейчас выглядят точно так же, как во времена моего детства. Готов поклясться, что там все еще есть те самые бревна, на которых я стоял, когда был маленьким мальчиком. Окутывавшие меня облака дыма, пара и пепла смешивались с тягучими испарениями битума, и эта адская смесь жалила мои ноздри. Недавно я ходил до станции и обратно. Путь показался мне чертовски долгим, но в детстве я не обращал на это внимания. Там все еще мож-

но почувствовать те самые запахи из прошлого.

В мгновение ока я превращался в машиниста паровоза, а потом – в боевого летчика, а если мне это наскучивало, всегда можно было стать астронавтом – по крайней мере, в моих мечтах. Ничто, случившееся с нами в детстве, не исчезает бесследно.

Но однажды веселье должно было закончиться – и вот я пошел в школу. В местную мэнтонскую начальную школу для детей шахтеров. До того как ее закрыли, она прославилась на всю страну через газету Daily Mirror как школа, в которой пятилетние дети избивали учителей. Что ж, не припомню, чтобы я сам принимал участие в чем-то подобном, но однажды мне были дарованы крылья, а также уроки бокса после скандала насчет того, кому достанется роль ангела в рождественской постановке. Я очень хотел получить эти крылья, но вместо этого получил хорошую взбучку в драке, которая продолжилась за воротами школы.

Результат той драки был далеко не в мою пользу. Когда я пришел домой, растрепанный, в порванной одежде, дедушка усадил меня перед собой и раскрыл мои ладони, которые были мягкими и пухлыми. Его собственные руки были грубыми, как наждачная бумага, с островками мозолей, словно кокосовые хлопья, налипшими на морщинистые ладони, которые он держал перед моим лицом. Я помню, как блестели в тот момент его глаза.

– Теперь сожми кулак, парень, – сказал он.

Я сделал это.

– Не так. Так ты себе большой палец сломаешь. Вот так.

Он показал мне.

– Так? – уточнил я.

– Ага. Теперь стукни меня по руке.

Не то чтобы это было похоже на фильм «Парень-кара-тист» – я не стоял на одной ноге на краю лодки, не было этих голливудских моментов вроде натирания автомобиля воском. Но спустя примерно неделю дед отвел меня в сторону и сказал – очень спокойно, но с твердостью в голосе: «Теперь пойди разыщи того парня, который тебя побил. И отделай его».

Именно так я и поступил.

Думаю, что прошло около двадцати минут, прежде чем учитель выволок меня из школы и, крепко держа за руку, притащил прямо домой. Уроки бокса оказались слишком эффективными, но вот рассудительности в возрасте четырех или пяти лет мне явно не хватало.

На стук пальцев по крышке почтового ящика из дома вышел дедушка: тапочки, белая майка, мешковатые штаны. Не помню, что сказал учитель. Помню лишь, что дедушка ответил: «Я позабочусь об этом». В тот же миг меня отпустили.

Дедушка не стал наказывать или отчитывать меня, а просто неодобрительно покачал головой и прочитал тихую лекцию об этике кулачных драк и правилах поведения, которые главным образом состояли в том, чтобы не задира-ть людей,

уметь постоять за себя и никогда не поднимать руку на женщин. Деликатный, снисходительный и абсолютно порядочный человек, он никогда не прекращал защищать то, что было для него важным.

Неплохо для 1962 года.

В разгар всего этого мои настоящие родители, Соня и Брюс, вернулись со своих гастролей с собачьим шоу и поселились в Шеффилде. Они приезжали к нам по воскресеньям пообедать. У меня сохранился коричневый с кремовым оттенком бакелитовый радиоприемник, который мы слушали во время этих встреч. Я гонял еду вилкой по тарелке и слушал лекции о том, почему я не должен отказываться от брюссельской капусты, и об опасностях, подстерегающих того, кто привередничает в еде, когда ее запасы ограничены. На самом деле запасы давным-давно не были ограничены, просто никто еще не успел этого осознать. Тот же горький послевоенный синдром был причиной ограничения набираемой в ванну воды в три дюйма, беспокойства насчет расхода электроэнергии и болезненного страха перед психологическим расстройством, который вызывал слишком долгие разговоры по телефону.

Застольные беседы были приправлены местными несчастьями. У такого-то случился инсульт... чья-то тетя свалилась с лестницы... подростковая беременность стала обычным делом... да какой-то бедолага провалился сквозь корку одного из многочисленных шлаковых отвалов, что окружа-

ли шахту, – рухнул прямо на раскаленные угли и получил ужасные ожоги.

Именно после одного из тех воскресных обедов, во время которого я ел капусту и курицу, что еще совсем недавно резвилась в нашем огороде, для меня настало время идти по жизни дальше с родителями. Когда мы катались с дядей Джоном, я обычно сидел рядом с ним на переднем сиденье, но теперь ехал сзади, глядя сквозь заднее стекло, как первые пять лет моей жизни уходили вдаль. Потом они исчезли за углом.

Впервые за свою осознанную жизнь я столкнулся с неопределенностью. Я немного умел драться, изловил нескольких мерзких жуков, командовал собственными военно-воздушными силами и был близок к тому, чтобы бросить вызов гравитации. Жизнь с родителями – насколько трудной может быть она?

Жизнь на Марсе

Я никогда не курил табака, если не считать разбодяженных косяков с марихуаной, которые ваш покорный смолил в период с 19 до 21 года – об этом мы еще поговорим чуть позже. Упоминаю об этом потому, что на самом деле я, вероятно, пассивно употреблял целую пачку сигарет в день, просто живя со своими родителями. Господи, они будто никак не могли накуриться и повсюду оставляли за собой клубы дыма. Когда мне было шестнадцать, они попытались завербовать меня в гнусное общество курильщиков «плана», но я героически вывернулся из их пожелтевших от дыма когтей, и то был мой величайший акт бунтарства.

Выпивали они часто и, как правило, безрассудно. Мой отец был яростным противником ремней безопасности на том основании, что они могут задушить водителя, и я при всем желании не смогу подсчитать, сколько раз он приезжал домой навеселе.

Ничто из моего детства не было потеряно. Но вот родители порой терялись в неизвестном направлении.

Так что сейчас я действительно никому не рекомендую пить что-либо алкогольное перед тем, как сесть за руль, даже самую малость. Конечно, вы молоды и неуязвимы, вам море по колено – поэтому в ваших глазах я после такого заявления выгляжу первостатейным лицемером, – но, к счастью, я

за свою жизнь слегка набрался ума-разума, чтобы не расширяться в лепешку в автокатастрофе – или, что куда важнее, не прикончить на трассе кого-то другого, совсем уж ни в чем не повинного.

Однако мы слишком быстро летим вперед в нашей машине времени. Когда я пошел в новую школу, что находилась в считавшемся неблагополучным районе Шеффилда Мейнор Топ, кассетный магнитофон, с которого можно запускать музыку одним нажатием кнопки, еще даже не был изобретен.

На самом деле я сперва подумал, что со школой все нормально. Я научился выдавливать сквозь сложенные трубочкой губы извилистые змейки из картофельного пюре, рыбы и гороха (в конце концов, это была пятница) – так можно было соревноваться со своими сотрапезниками, кто сумеет выплюнуть «снаряд» длиннее прежде, чем вся еда покинет рот и окажется снаружи.

Я думаю, что Гэри Ларсон, наверное, тоже ходил в ту школу – потому что учительницы там носили страшные очки в роговых оправках, придававшие им облик охранниц концлагеря из эротических эксплуатационных фильмов 70-х – любимый типаж этого художника. Но были и похлеще – похожие на Ганнибала Лектера, и они занимались исполнением наказаний. Плевки сгустками картофельного пюре и гороха были серьезным преступлением, которое должно было быть наказано по всей строгости закона, и за это нас лупили деревянными палками по вытянутым ладоням. Сказать по прав-

де, я даже не помню, было ли это действительно очень больно. Это было просто очень странным для школьника: когда тебя ловили с поличным и торжественно препровождали в комнату для наказаний. Я чувствовал себя так, словно обязан носить полосатую робу на Острове Дьявола.

В той школе я пробыл недолго, поскольку наша семья переехала. Переезды стали частью моей жизни навсегда, но для семьи они были основным источником дохода – так получалось зарабатывать больше денег. Моим новым жилищем стал подвальный этаж, который я делил со своей маленькой сестрой Хеленой, которая к тому моменту уже была смышленным созданием, способным к членораздельной речи.

Там было маленькое окно размером с iPad, из которого открывался вид на водосточный желоб, полный опавших листьев. У нас был неисправный холодильник, поверхность которого билась током. Я использовал эту его особенность для развлечения – прижимался к холодильнику в мокрой одежде, чтобы проверить, сколько электрического напряжения смогу выдержать прежде, чем мои зубы начнут стучать. Поднявшись вверх по каменным ступеням, я попадал в остальной человеческий мир. О, что это был за мир! Я жил в гостинице. Гостевом доме. Мой отец управлял им. Мой отец купил его. А во дворе гостиницы он продавал подержанные автомобили.

Потом вдруг он купил еще и соседний дом. И решил построить коридор между ними, и это было как строитель-

ство «Звезды Смерти» в фильме «Империя наносит ответный удар». Папа развернул собственноручно созданные чертежи. Я нашел кусок обоев и попытался спроектировать космический корабль с системами жизнеобеспечения, чтобы отправиться на нем напрямик на Марс.

Появились строители, и они, похоже, тоже работали на отца. Что до меня, то мне досталась важная, хотя и едва оплачиваемая работа. Нет, я не строил дома, но неслабо развлекся, их разнося. Моей специальностью стало разрушение туалетов. Позже, учась в университете, я никогда не мог воспринимать всерьез призыв к «разрушению системы» – уж я-то знал о раскуроченных туалетных бачках гораздо больше, чем все они. Все это было очень впечатляющим.

Еще в этом отеле, который назывался «Линдрик», был бар, сконструированный по собственному проекту моего отца. Насколько я помню, «Линдрик» никогда на самом деле не закрывался по выходным, особенно когда папа стоял за барной стойкой. Утром понедельника бабушка Лили рассказывала занимательные истории:

«О, тот парень так сильно врезал мистеру Ригби головой прямо в лицо! А потом еще один мужик танцевал на столе и упал. Представляешь, он сломал стол пополам! А стол был из тика⁷ сделан. Думаю, он прямо башкой в него врезался».

Я постоянно скакал там среди странствующих торговцев – и некоторые из людей, что останавливались у нас, были

⁷ Очень ценная порода дерева (*прим, перев.*).

попросту странными. Один жутковатого вида человек прожил у нас две недели, и он дал мне свою визитную карточку и прошептал: «Послушай-ка, я практикую карма-йогу». Он уходил из гостиницы в семь вечера и бродил по улицам до утра. Нет, у него не было собаки, которую надо было выгуливать.

Приезжали новые люди – а некоторые никогда не уезжали. Несколько постояльцев померли прямо в своих кроватях. Если случалась какая-то ужасная смерть, бабушка Лили всегда ставила всех об этом в известность: «Она сгорела в своей машине».

Однажды вечером двое джентльменов очень удивили друг друга в темноте – каждый из них предполагал, что ласкает гостью женского пола. Утром у них состоялось продолжительное выяснение отношений. Мы словно жили в состоянии непрекращающегося фарса.

К гостинице постоянно добавлялись какие-то новые детали, а в Шеффилд к нам приехали новые члены семьи. Мои бабушка и дедушка по отцовской линии, Этель и Моррис, продали свой приморский пансионат и перебрались жить к своему сыну. Дедушка Дикинсон был точной копией игравшего злодейские роли актера Уилфрида Хайд-Уйта, разве что имел размашистый норфолкский акцент. С самокруткой за одним ухом и карандашом за другим он принялся за то, что теперь называется «перепрофилированием зданий». На практике это означало развалить дом и построить его заново

в другом месте из тех же камней.

Бабушка Дикинсон была грозной женщиной. В шесть футов ростом, со жгучими черными вьющимися волосами и взглядом, который валил деревья на расстоянии двадцати шагов, она была девушкой-прислужницей и на момент, когда ее наняли на работу, делила кров с восемнадцатью другими девушками, вместе с которыми жила в железнодорожном вагоне, где они спали прямо на полу. У нее были длинные ноги, и, возможно, она могла бы сделать карьеру в спорте – но не могла позволить себе купить обувь, а босиком по колючим зарослям особо не потренируешься бежать дистанцию в 200 метров. Этого унижения она не могла забыть до самой смерти.

Пока Этель пекла пироги, Моррис выходил из туалета, с наполовину выкуренной самокруткой и бесконечным запасом щедрости. «А, вот ты где, малыш, – говорил он. – Смотри, никому не рассказывай», – и протягивал мне пару шиллингов своей мозолистой рукой, огрубевшей за долгие годы укладки кирпичей и штукатурки стен.

На одной из семейных встреч, когда старшие весь день пьянствовали в баре гостиницы, дядя Род дал мне несколько полезных советов, один из которых заключался в том, чтобы никогда не делать себе татуировок. Дядя Род (он в самом деле приходился мне дядей – был братом моего отца) был по меньшей мере харизматичен и, откровенно говоря, слегка похож на одного из прибрандиченных пижонов, которого бы-

ло легко представить окруженным легкомысленными девицами. Мне было 10 лет, когда я сидел у него на коленях, а он разъяснял мне тонкости британской системы сертификации фильмов. «Фильмы для взрослых маркируются категорией X, и просто фильмы про секс маркируются категорией X... И фильмы ужасов тоже маркируются категорией X...»

Все, что он сказал дальше, померкло, когда мой взгляд наткнулся на шрамы на тыльных сторонах обеих его рук. В юности дядя Род имел привычку брать во временное пользование чужие автомобили. Несмотря на все старания семьи, он так заигрался с этим, что однажды его отправили в имевшее дурную славу учреждение для несовершеннолетних преступников – борстал. Самодельные татуировки, сделанные смесью чернил и толченого кирпича, были там очень популярны, и они навсегда помечали сделавших их ребят как продукт этой тюремной системы. Чтобы свести эти татуировки, дядя Род потратил немалую на тот момент сумму. Выслушав его рассказ, я подумал, что мне, наверное, стоит довольствоваться тем, что есть. Все эти тюремные штучки вовсе не казались мне забавными.

Потом дядя Род переключился на обсуждение военных фильмов. Я посмотрел множество таких картин вместе с дедушкой Остином: «Эскадрилья 633», «Разрушители плотин», «Битва за Англию», «Атака легкой кавалерии» и другие.

– А как насчет «Полярной станции "Зебра"»? – пискнул я.

– Не видел этот фильм, – буркнул он и вернулся к своей кружке с пивом.

«Полярная станция "Зебра"» – это фильм, благодаря которому я познакомился с первой в моей жизни рок-н-ролльной группой. Да, настоящей группой, с гастрольным грузовиком, электрогитарами и концертами. Она называлась The Casuals. У них была хитовая песня под названием «Jesamine», и в то время они играли по клубам как постоянные резиденты, давая концерты каждый день в течение недели или около того. Они останавливались в нашей гостинице и в дневное время – которое для них как для ночных созданий не начиналось раньше полудня – выползали из своих номеров, с мутными глазами и длинными волосами, в сапогах на высоких каблуках и в белых брюках, подтягиваясь на поздний завтрак или чай с тостами, который подавала им беспрестанно щебечущая бабушка Лили.

Уверен, что в их глазах я выглядел не по годам развитым со своими вопросами о ракетах и подводных лодках, и, вероятно, именно это заставило их считать меня настолько достойным собеседником, что гитарист даже принес из номера свою электрогитару. Я подержал ее в руках. Она была на удивление тяжелой. Он подробно рассказывал, как она работает, а я просто смотрел на расположенные под струнами круглые стальные диски и пытался представить себе, как же на самом деле работает звук, извлекаемый при помощи столь крошечных фрагментов из тончайше настроенных звенящих

струн.

Как и большинству групп, им было нечем заняться в течение дня, и, устав от смертельной скуки, они решили сходить в кино и взяли меня с собой. Десятилетний мальчишка со стаканом в руке сидит в кинотеатре вместе с рок-н-рольной группой и смотрит военный фильм об атомных подводных лодках и ракетах. «Вот это житуха», – подумал я.

Папа расширил свою империю и купил обанкротившуюся автозаправочную станцию. Это было крупное предприятие, старый трамвайный гараж с четырьмя древними бензонасосами, без навеса – а также мастерские, где было полно горелого масла и грязи, налипших на кирпичи 50-летней давности. Так на первый план в нашей жизни выдвинулось автомобильное дело. Я закачивал бензин, лавируя между обрушивающимися строительными лесами (перепрофилирование зданий, помните?), полировал машины и чистил колеса проволочной мочалкой. В зимнее время я занимался этим до тех пор, пока мои пальцы не становились синими от холода. Я мыл лобовые стекла, проверял, накачаны ли шины, и наблюдал за тем, как увеличивается количество проходящих через наши предприятия автомобилей и растут наши продажи.

Отец был ходячей энциклопедией автомобильных запчастей. Он был прирожденным инженером и мог мгновенно разобраться с любой возникшей проблемой. Его диагнозы редко бывали ошибочными. Он мог подробно рассказать о

том, как появилась выхлопная система машин Fiat и почему она лучше, чем такая же система у автомобилей Ford, хотя в любом случае обе они были спроектированы неизвестным венгерским гением. Вот каким он был, мой отец. Начав говорить на эту тему, он мог продолжать часами.

Мы продали гостиницу, когда он приобрел дилерский центр легковых автомобилей Lancia, и преуспевали в торговле до тех пор, пока они не выпустили модель, которая ржавела быстрее, чем вы успевали проехать на ней пару кварталов. Я ожидал, что семья заработает какие-то деньги на сделках с недвижимостью, потому что на этом рынке как раз наблюдался бум и дом все еще был достижимой целью для работающей пары. В какой-то момент мы совершили ошибку, продав дом раньше, чем подыскали себе какое-нибудь новое жилье. Это должно было стать очень хорошей сделкой.

В конце концов мы вернулись в дом с террасами, расположенный всего в ста ярдах от гостиницы, которую мы освободили около года назад. Некоторые люди зависимы от крэка. Мы же были зависимы от переездов.

Если хочешь школу – ты ее получишь

Во время всей этой кутерьмы я оказался в тепличных условиях. Меня оградили от зловещего влияния картофельного пюре, плевков и рукоприкладства местных жителей.

Я готовился пойти в частную школу. То была подготовительная школа в Биркдейле, которая дала миру в числе прочих Майкла Пейлина из шоу-группы «Монти Пайтон». Это было одно из самых странных, самых эксцентричных учебных заведений, с которыми я когда-либо сталкивался – и в конце концов оно стало мне по-настоящему нравиться. Говорю «в конце концов», потому что поначалу издевательства там были довольно ощутимыми. Впрочем, «довольно ощутимыми» они были лишь по сравнению с тем, что началось позднее, в школе-интернате.

Издеательства происходят потому, что слабым людям требуется подпитывать свое эго, избивая или унижая других. И, разумеется, если ты новенький в классе или просто заметно отличаешься от остальных, именно ты становишься жертвой этих издевательств. Мне достались все синяки и шишки, которые только могли достаться. Хуже всего приходилось на переменах – 12 ребят избивали меня возле мусорных баков, а за всем этим наблюдала учительница, которая,

полагаю, получала некую энергетическую подпитку от того, что не пыталась их остановить. В память о своих дедушках, я всегда отказывался подчиняться. Шансы были ничтожны, но я все равно сопротивлялся. Я не убежал.

Это улеглось примерно через год, а еще через год все было так, словно ничего подобного и не происходило, и моя личность ассимилировалась в их коллективный разум – по крайней мере, они так думали.

Я нашел прибежище в книгах, сочинительстве и актерской игре. Ангельские крылья прошлого продолжали меня преследовать, и я получил свою первую «минуту славы» в рецензии на школьный спектакль в газете *Sheffield Star*, не меньше.

«Слепой крот, сыгранный Полом Дикинсоном» (Брюс – это мое второе имя, но тогда оно, конечно же, не было так прославлено).

Я был слегка разочарован тем, что мне удалось извлечь из аудитории хороший, правильный смех. Первые уроки в разыгрывании комических эпизодов во время наших школьных показов пьесы «Ветер в ивах» включали в себя момент, где я отшвыривал в сторону свой деревянный меч во время продолжительной паузы, которая заставляла зрителей показываться со смеху, и восклицал «Говорю же, Крысси, этот цыпленок очень вкусный», у всех на виду поедая при этом лимонный пирог.

За этим последовали другие постановки, и я имел на сцене

большой успех, хотя, как мне казалось, актеры относились к своему делу чересчур уж серьезно.

Уроки проходили нормально. Другими словами, я не помню из выученного тогда вообще ни хрена, кроме того, что у овец породы меринос очень красивая шерсть, а также потрясающее мнение нашего учителя истории, мистера Куини, о книгах Джона Толкина: «Одна кровавая бойня за другой, долгое унылое путешествие и несколько дрянных песен». Я читал «Хоббита» и «Властелина Колец», когда мне было двенадцать лет. Это, конечно, развлекательная литература, но со смыслом.

Для тех, кто хотел учить французский язык, там был мистер Уайт. Но мистера Уайта интересовали только игры с его огромным железнодорожным набором, который занимал половину верхнего этажа. Уроки французского проходили главным образом в наблюдениях за тем, как модель поезда «Летучий Шотландец» длиной в фут со свистом описывает круг в течение 20 минут.

Классы были поделены на потоки: А, В, С и D, от самых выдающихся умов до тех, в ком были серьезные сомнения, или же тех, кому учиться было просто скучно. Меня, как мячик, перебрасывали то в один, то в другой. Я был как раз из тех, кому всегда было просто скучно, но меня подкупили обещанием купить велосипед с гоночным рулем, если буду стремиться оказаться в десятке лучших.

Под конец обучения я оказался в классе, в котором было

только восемь человек, и у нас не было уроков как таковых. Мы сидели без дела, говорили, спорили, писали что-то потому, что хотели, а не потому, что так было надо, и подшучивали друг над другом, стараясь, чтобы шутки были интересными, а не просто жестокими. Приходили учителя, и мы говорили с ними на равных. Это было необычно. Мне казалось, что мой мозг лопается от идей, как попкорн на сковороде. Восхитительно.

Конечно, у этого была причина. Цель этого процесса состояла в том, чтобы сдать довольно сложные экзамены, которые занимали целую неделю, чтобы попасть в высококонкурентную систему школ-интернатов для учеников в возрасте с 12–13 до 18 лет.

Дела для взрослых мальчиков.

Школа, однако, была не единственным местом, где можно было получить образование. Я научился ездить на велосипеде и катался по окрестностям. У меня был химический набор, который упорно отказывался делать что-либо, что могло послужить для развлечения, и еще мой отец научил меня играть в шахматы. Мы часто играли с ним, пока однажды я его не разгромил, после чего мы перестали.

На каникулах в Грейт Ярмуте я проводил время в окружении цинковых ведер, наполненных мелкими монетами. Выражение «куча денег» было просто синонимом работы в зале игровых автоматов на морском побережье. Он принадлежал родителям моего двоюродного брата Рассела.

Каждая поездка в Грейт Ярмут заканчивалась в квартире, расположенной над этим залом. Там были, как сказали бы сегодня, «неполиткорректные» кофейные столики, поддерживаемые статуями нубийских рабов, а также ковром, который больше был похож на белое волосатое море синтетических усиков, выглядящее так, словно оно сожрет вас, если ему не понравятся ваши ботинки. После семейной беседы мне дарили вещи, которые стали не нужны моим двоюродным братьям: отвратительные замшевые кардиганы и другие монструозные творения, призванные сделать 10-летнего ребенка похожим на 50-летнего мужика.

Нашей семейной чертой была способность отлично плавать. Моего отца, чтобы он научился держаться на воде и не тонуть, в свое время просто швырнули в волны Норфолк Броде. Я учился плавать под его присмотром, но настолько же жестоко он со мной не обходился. Где-то на дне заплесневелого чемодана до сих пор лежит мой сертификат от плавательного комплекса Neely Baths в Шеффилде, в котором сказано, что я в тот день проплыл 10 ярдов в утвержденном стиле. Нахлебавшись хлорки в таком количестве, что хватило бы ослепить батальон времен Первой мировой войны, я щурился покрасневшими глазами от солнечных лучей, радуясь, что испытание закончилось. Папа мой плавал, как рыба. В детстве он запросто мог проплыть три мили в океанских волнах. Я же, напротив, всегда считал плавание чрезвычайно опасным занятием. Это просто предварительное утопление.

Я один из тех, кому на роду написано утонуть. «Расслабься», – кричат те, кто умеет плавать, но, к сожалению, мои ноги идут по пути гравитации, а за ними следует и остальное тело.

Ангелоподобный выскочка

Прежде чем мы отправимся в путешествие сквозь освещенные порталы английской государственной школы, брошу на стол еще несколько кусочков головоломки.

Я был достаточно одиноким. Я не интересовался спортом. По выходным я проводил долгие дни в публичной библиотеке, листая книги и мечтая. Я открыл для себя настольные военные игры и тратил вечера на исследование точности прицела мушкета «Браун-Бесс» и тактики пехотного квадрата, а также раскрашивал своих оловянных шотландских горцев, которые вскоре должны были обрушиться с внезапной атакой на ничего не подозревающего Наполеона.

Мой дядя Стюарт, учитель по профессии, был чемпионом округа по настольному теннису, так что однажды на Рождество у нас появился неплохой теннисный стол. Отец и его братья сыграли несколько партий и долго спорили, кто же победил, а потом отправились в паб. Я сразу же организовал на теннисном столе битву при Ватерлоо, а на следующий день переиграл ее снова. Он был зеленым и плоским – прекрасно. Это было одно из многих небольших событий, которые заставляли моего отца считать меня несколько странным, как будто использование теннисного стола не по назначению было как-то «не по-мужски».

К тому дню, как я должен был покинуть отчий дом и по-

селиться на следующие четыре года в школе Оундл в Нортгемптоншире, моя кожа была покрыта множеством пятен. Нехорошая штука, но ввиду того, что на горизонте не было никаких девушек, сильно она мне жизнь не усложнила. Правда, эти пятна превратились в гнойные язвы из-за постоянного соприкосновения с моторным маслом, жженой резиной и грязными ногтями. Все дело в том, что незадолго до того, как покинуть дом, я открыл для себя автоспорт.

У моего товарища по школе Тима и его старшего брата Ника был очень увлеченный отец. Он ездил на огромном «Кадиллаке», а также имел огромный трейлер, в котором была миниатюрная гоночная команда для его сыновей. Насколько я мог судить, он владел ночным клубом и в огромных количествах пил крепкое ячменное пиво.

Гоночные карты имели поворотные клапаны на сто кубов и были очень быстрыми. До этого я даже никогда не крутил руль, но в тот момент просто сел на сиденье, вдавил педаль и понесся по направлению к первому повороту на Линдхолм, бывшую базу Королевских военно-воздушных сил. Я крутанул руль, развернулся на 360 градусов и заглушил двигатель. Я делал это почти на каждом повороте трассы, прежде чем вернуться к трейлеру, а вслед за мной тащились, обливаясь потом, два брата, из последних сил пытаясь меня настигнуть. Я разворачивался и начинал гонку по новой добрых полдюжины раз.

После поездки мы обсудили нюансы. Понятно, что мне

нужно было больше информации о том, что происходит.

Под конец мне стало казаться, что я летаю: ноги прижаты к полу под прямым углом, жму на тормоз в самый последний момент, так сильно, как только могу, уколы адреналина пронзают руки и сердце. На самом деле я почти проехал полный круг без разворотов, но, черт возьми, машинист паровоза, летчик-истребитель и астронавт... теперь в моем «реюме» была еще и позиция гонщика.

Прежде чем мы отправимся в школу-интернат и рассмотрим все, что с ней связано, можно я скажу несколько слов о религии? О чем-то, что я испытал, с чем экспериментировал, а оно, в свою очередь, экспериментировало со мной, когда мне было четыре года, в слишком раннем, пожалуй, возрасте. Результат, однако, был совершенно неожиданным, и если пути Господни действительно неисповедимы, это было хорошим тому доказательством.

Я не помню момент своего крещения, но, кажется, я тогда здорово нахлебался святой воды. Я мог утонуть в купели. Я не уверен, что глотание специального соуса от Бога вызвало появление у меня какой-либо ауры, но это, конечно, могло повлиять на мой ранний интерес к ангельским крыльям.

В школе проводили обычный праздник урожая, а также, в надлежащее время, тоскливо распевали колядки, но лишь прибыв в Беркдейл, я познакомился с евангелистской религией, черной книжкой под названием Библия и борьбой с Сатаной по всем фронтам.

Там была группа верующих учителей, и, случайно или по умыслу, именно эти люди занимались организацией школьных экспедиций, в том числе экскурсии в форт Уильям в Шотландии. Она состояла из десятидневного проживания в лагере, военных игр, переправ через реки и прыжков с дерева на дерево («Песню дровосека» помнит кто-нибудь?). А также религиозного промывания мозгов. Представьте себе шоу Беара Гриллса без возможности убежать.

Были молитвы и лекции, а каждый вечер проводилось групповое собрание, на котором десятилетним детям предлагали встать и бичевать грехи. Те, кто это делал, были вознаграждены за свою глупость восторженными похвалами, объятиями и аплодисментами. Однажды я встал и начал бичевать сидящую на стене муху, которая вполне очевидно являлась слугой Сатаны, поскольку она отвлекала меня от беллиберды, которую извергали из себя учителя, подрабатывающие на полставки еще и мессиями.

Когда мне было десять, меня ввели в церковную паству и на полном серьезе, без всякой иронии, сказали, что теперь я посвящен. Передо мной поставили цель пойти в мир и обращать людей в веру Христову. Не будучи парнем, подкованным в выполнении подобных миссий, я отправился в город и попытался обратить нескольких городских девушек, протягивая им листовки и приглашая их в лагерь на веселый евангелический вечер веселых счастливых гимнов под дрянной гитарный аккомпанемент ребят в свитерах аранской вязки.

Ответ был вполне однозначным: «Отвали, п...дюк».

Дома, в Шеффилде, я был зачислен в Христианский Союз, где я носил маленький значок, и мне было рекомендовано прочитать «Письма Баламута» Клайва С. Льюиса, а также множество других, менее изобретательных трактатов. В некоторых из них затрагивались такие темы, как брак и мастурбация. Смутившись, я подумал: «Разве эти вещи идут рука об руку?».

Мои родители были немного шокированы этой моей деятельностью, поскольку они старались держаться от церквей подальше с тех пор, как я чуть не проглотил игрушечную церковь, когда мне было девять месяцев. Однако они относились к этому терпимо, поскольку это казалось достаточно безобидным, и мне было чем заняться по воскресным утрам.

Вскоре проснулись мои гормоны, и я начал смотреть на девочек в совершенно ином свете. Мне больше не хотелось только обращать их в христианство; было нечто большее, что было не так-то просто понять. Я просто не мог точно показать пальцем, что именно.

Мой школьный товарищ Тим любил рассуждать о том, куда именно нужно прикладывать пальцы. Невероятно, но это был единственный раз, когда кто-то заговорил о сексе, за исключением тех случаев, когда нам внушали, что это в целом вещь греховная и допустимая только с целью зачатия детей. В процессе дальнейших детальных расспросов о том, что умеет этот довольно продвинутый в сексуальном плане

парень, выяснилось, что в свободное время он что-то делает со своим носком и пижамой.

– И что же происходит? – спросил я, пытаюсь представить себе эту картину.

И он рассказал мне.

– Серьезно? – все это было для меня новым.

Что ж, как гласит расхожее выражение, Бог ненавидит трусов, так что мое монашеское существование превратилось в жизнь онаниста. Что касается воскресной школы, то в выборе между самоудовлетворением и Христианским Союзом определился явный победитель. Именно мастурбация и библиотеки спасли мою душу от узколобого прозелитизма и душной евангелистской смирительной рубашки... и за это я благодарю Бога.

Однако я так и не удосужился рассказать вам немного о Боге и его неисповедимых путях. Официальным хранителем нашего духовного здоровья в Беркдейле был преподобный Б. С. Шарп, бывший в то время викарием в Глидлессе, в величественно мрачной церкви Миллстоун Грит. В отличие от евангелистов, подрабатывавших на полставки, «Бэтти», на что намекало и его прозвище, был человеком более чем эксцентричным. А еще он был практически глухим. Как и всех преподобных, его считали безобидным персонажем.

Бэтти проводил практику исполнения гимнов – вся школа входила в его церковь и начинала петь, пока он бродил туда-сюда по коридору, размахивая руками и, казалось бы, не

обращая внимания на сбивающихся с темпа и мелодии пацанов (девчонок, конечно, там не было). Однажды, проходя мимо меня – я стоял в конце скамьи, пел или, скорее, бормотал – он остановился, наклонил голову, как попугай, и посмотрел на меня. Подозреваю, что так он устраивал поудобнее то свое ухо, которое хоть немного да слышало.

– Пой выше, парень, – сказал он.

Я стал петь немного громче. Он наклонил свое лицо прямо к моему рту. Я увидел, что у него не хватает многих зубов, и еле удержался от того, чтобы рассмеяться.

– Пой выше, парень.

Что ж, я люблю принимать вызовы, поэтому я заорал, насколько позволяли легкие, и, начав, уже не останавливался. Смущение покинуло меня, и я допел до конца куплет гимна, который звучал в церкви в тот момент. Признаюсь, при этом я испытывал прекрасное ощущение – хотя нельзя сказать, чтобы в то время я это признавал.

Преподобный выпрямился и еще раз взмахнул руками, после чего вновь наклонился ко мне.

– У тебя очень хороший голос, мальчик, – сказал он. Потом он пошел дальше по коридору, и больше я его никогда не видел.

Как я уже говорил, ничто из детства не исчезает бесследно, и если Бог действительно существует, то он полон озорства.

К сожалению, хормейстер в Оундле не разделял энтузиаз-

ма Бэтти по поводу моих вокальных данных. Оказалось, что пение – как и пение в церкви – является крайне нежелательным, хотя было бы несправедливо называть церковью школьную часовню. Часовня Оундла претендовала на то, чтобы быть по меньшей мере собором. Там был хор, вокруг которого ходили обычные для таких мест и, возможно, достоверные слухи об отношениях между хормейстерами и певчими мальчиками. Члены школьного хора одевались в сюртуки и проводили свободное от учебы время, восхваляя Невыразимого вплоть до того момента, пока не срывали голос.

Певчие должны были проходить обязательный вокальный тест. Я горжусь тем, что провалил его в очень эффектной манере. На звук каждой белой клавиши фортепиано я отвечал звуком черной клавиши. Мне выдали листок бумаги, который я должен был передать заведующему школьным пансионом. На нем было написано: «Дикинсон – Сидней-Хаус, НЕ ВОКАЛИСТ».

Месть лосося

Я никогда толком не понимал, почему я оказался в школе-интернате. Родители постоянно спрашивали, не хочу ли я туда поехать, и моим естественным инстинктом было сделать что угодно, чтобы выбраться из этого места. Так что я улыбнулся, сдал сумасшедшие экзамены, а также прошел тест на коэффициент интеллекта и собеседование. Нужно было всего лишь как следует постараться. В начале лета пришел ответ. Я подходил: вот вам ограничения, касающиеся форменной одежды и, пожалуйста, заплатите много денег.

Оундл был и остается маленьким городком неподалеку от Питерборо, в холмистой местности Нортгемптоншир. Расположенный в излучине сонной, но часто капризной реки Нин, он стоит на кургане над поймой. В нескольких милях вниз находятся замок Фотерингей и связанная с ним церковь, и вся эта местность сильно пропитана исконно английской, а не общебританской историей.

Половина города была занята школой. В большинстве зданий располагались либо классные комнаты, либо жилые помещения, а в шестнадцатом веке компания лондонских бакалейщиков основала здесь целое предприятие. Центром всего этого был маскирующийся под здания Оксфорда и Кембриджа четырехугольный корпус с колоннами и портиками, величественными мраморными балюстрадами и общей архи-

тектурой, взирающей на вас свысока, чтобы напомнить вам о вашем месте. То есть дать вам понять, что вы – маленький, невежественный и незначительный человек.

На каждом шагу стояли доски, увешанные сотнями портретов выпускников. Регби, пятиборье, атлетика, гуманитарные науки, математика и все те ребята, чьи имена никогда не записывались до тех пор, пока они не вернулись в мешках для трупов мертвыми героями двух мировых войн. Таких было немало.

Я все еще не понимал, для чего я там нахожусь. Моим лучшим предположением было то, что это стало для меня толчком к тому, чтобы покинуть дом и, должно быть, я кое-что доказал, сдав все эти несчастные экзамены. В этом не было четкой логики, и даже я сам был озадачен тем, как соотносятся между собой школьные обеды и академические успехи, но мне казалось, что мне жилось бы чуток полегче, если бы люди знали, что эти обеды готовит моя тетя.

Никто из моей семьи, ни из одной ее ветвей, никогда не посещал частную школу. Моему отцу было отказано в поступлении в университет после гимназии, потому что Этель могла позволить оплатить высшее образование лишь для одного из четверых своих сыновей. Стюарт был старшим, поэтому счастливымчиком стал именно он.

Папа никогда этого не забыл.

Моя сестра пошла по совершенно иному пути, оставив школу лишь с несколькими академическими квалификаци-

ми и выбрав длинный и трудный путь, обучаясь всему практически сама, чтобы стать одной из ведущих наездниц мира. Когда я таскал свою девятнадцатилетнюю задницу по пабам Восточного Лондона, играя в пабах для трех человек, моя 14-летняя сестра дебютировала на выставке «Лошадь года» на стадионе Уэмбли с лошастью, которую сама выдрессировала.

Итак, покинув Шеффилд в возрасте 13 лет, я начал процесс ухода от семьи и вынужденного отчуждения от человеческой расы, по крайней мере, на пару лет. Трудно сказать, даже задним числом, было ли это для меня как для человека потерей или приобретением.

С точки зрения учебы, нет сомнения в том, что тепличная среда подтолкнула менее способных вверх, а по-настоящему талантливым дала возможность преуспеть – но было одно странное исключение. Я помню, что я был довольно средним в учебе, но запоминающимся по ряду других причин.

Все мальчики жили в одном доме, 50 или 60 человек, и это было своего рода племя. Все в этом месте имело соревновательный характер. Были межшкольные соревнования, межвузовские соревнования и соревнования внутри самого общежития. В поисках всевозможных победителей был перевернут каждый камень. Если вы не были победителем в спортивной сфере, то могли стать им в учебной. Если и в учебной не выходило, что ж, дела становились несколько хуже – возможно, Оундл был не для вас.

Корпус, в котором я жил, назывался Сидней, и у него был грандиозный псевдо-георгианский фасад с широкой площадкой, засыпанной гравием. Позади находились акры полей для игры в регби и крикет, а сам жилой комплекс располагался в нескольких милях от учебных корпусов. Я до сих пор повсюду передвигаюсь в том же бешеном темпе, смертельно боясь опоздать на урок английского языка. Полагаю, до ланча я покрывал около пяти миль, держа в руках охапку учебников. Вероятно, сегодняшние школьники ездят на уроки на гироскутерах, с планшетами вместо книг.

Одной из первых вещей, которые меня поразили, помимо кнутов, цепей и дробящего оружия (об этом позже), был очень яркий приступ отравления сальмонеллой. Те рыбные пироги стали частью преследующей меня по сей день «комнаты ужасов», наряду с красной помадой и прическами, похожими на пчелиные ульи.

Моя тетя Ди попыталась убить меня и еще двадцать моих соседей, и тщательное микробиологическое исследование отследило губительный патоген до кончика столовой ложки. Те, кому не посчастливилось быть в тот день адептами пути левой руки (то есть теми, кто стоял в левом ряду очереди за едой – думаю, ведьмам этот каламбур покажется забавным), стали жертвами этой мести Луи Пастера. Те, кто стоял с правой стороны, не пострадали. Желудочные спазмы начались через три часа после употребления блевотного рыбного пирога. Вскоре после этого меня доставили в палату,

где я присоединился к своим заболевшим одноклассникам. В течение трех дней мы истекали всевозможными жидкостями из всех имеющихся отверстий. Не нужно быть большим фантазером, чтобы родились такие строчки, как «И я наполнил их живые трупы своей желчью» из песни Iron Maiden «If Eternity Should Fail».

Довольно много времени мы уделяли спорту. Быть слабым в этом означало быть «жалким». Иметь серьезные спортивные достижения означало, что вы непогрешимы и передвигаетесь по жизни, летая на личном маленьком облачке.

В школе было несметное количество команд по регби, а также там был эллинг с лодками-восьмерками, четверками и каяками, плюс команды по крикету, команды по стрельбе, теннису, сквошу и несколько непонятной, но популярной игре в «пятерки».

Перед тем, как получить доступ к лодке любого типа, дети проходили «лодочный тест». Он заключался в том, чтобы надеть армейские ботинки, джинсы и толстый шерстяной армейский свитер, а затем броситься в реку.

Автомобильный мост через реку Нин служил наблюдательным пунктом, откуда можно было посмотреть, как топят юных ведьм. Жертвы были выбраны для экзекуции и брошены в ледяную воду, и были вынуждены проплыть 25 ярдов, не идя ко дну. Представьте, насколько мне это нравилось. Меня считали потенциальным гребцом, поэтому у меня была и вторая попытка, и третья. Я решил, что они бу-

дут продолжать делать это, пока я не утону, поэтому перестал дышать, вспомнил свое крещение и проглотил много воды, прежде чем меня наконец поддели за одежду лодочным крюком и вытащили из реки. Эта бесчеловечная практика была прекращена после того, как в реке нашли мертвых коров, зараженных какой-то ужасной инфекцией, которые плыли вверх по течению.

Конечно, надо мной пытались издеваться, и, как и раньше, в своей предыдущей школе, я не сдавался, не менял свое мнение и не молчал. Так что спустя два года случилась крупная заваруха, родителей вызвали в школу, нескольких учеников отстранили от учебы, а потом все прекратилось. Но в течение этих двух лет жизнь в общем и целом представляла собой настоящий ад.

Мы спали в общих спальнях, выдержанных в стиле армейской казармы: холодные гигантские окна без штор и два ряда железных кроватей; тонкий матрас на поддоне из древесно-стружечной плитки, пара одеял и хлопковые простыни. Там не было ни приватности, ни замков на шкафчиках, бани и туалеты были общими. Самое интересное начиналось после того, как выключался свет. Когда учитель уходил, меня будил один из ребят постарше. Через полчаса вокруг собиралась толпа. Ему было около восемнадцати лет, большой парень. В руке он держал подушку, свернутую в плотную трубку.

– Настало время преподать тебе урок, Дикинсон, – гово-

рил он. – Защищайся.

Не совсем правила классического бокса, но что еще можно с этим поделать, кроме как выстроить защитную стену из ярости и гнева. Часто моя кровать бывала пропитана или залита яичными белками и желтками, или же мой комплект постельного белья был покрыт жидкостью для мытья посуды. Было множество мелких вторжений в личное пространство.

Ко второму году я был чертовски зол. Впрочем, регби меня ничуть не раздражало, и я вполне наслаждался этой игрой. Верите или нет, но я начинал как столб, а потом, по мере того, как другие совершенствовались, а я нет, был то хукером (что не очень приятно), то скрам-хавом (не очень хорошим) и в конце концов обосновался на позиции фланкера или, как эту позицию называли в ранней истории регби, винг-форварда.

Еще я вступил в армейский кадетский отряд. Конечно, там была иерархия, но, как ни странно, режим не был безрассудно направлен против меня. Это была одна и та же фигня для всех. В нашем кадетском отряде было четыреста человек, и я быстро продвигался по иерархической лестнице званий, пока однажды не оказался повышенным до звания младшего офицера. Нас было там таких всего двое, и вторым был один из моих самых близких друзей в Оундле, Иэн, который впоследствии стал подполковником в Хайлендском полку и служил в некоторых довольно горячих точках. Наша последняя встреча, спустя 25 лет после окончания шко-

лы, состоялась в грязной гостинице в Джидде. Я был капитаном, управлявшим «Боингом 757», зафрахтованным «Саудовскими Авиалиниями» на время хаджа, а он отвечал за Национальную гвардию Саудовской Аравии. Кто бы мог подумать, что все так сложится.

В Оундле мы неожиданно для самих себя получили некоторые привилегии. В школьном арсенале имелось достаточно оружия и боеприпасов, чтобы начать государственный переворот в маленькой африканской стране. Все это было старое оружие времен Второй мировой войны. Там было около ста 303-дюймовых винтовок Ли-Энфилда, несколько ручных пулеметов «Брен», взрыв-пакеты, двухдюймовые минометы, дымовые гранаты и боевые патроны. Оба мы посещали командирские курсы Британских наземных сил, где нас оснащали всем самым новым армейским оборудованием, и провели две недели в Тетфорде, где прыгали с вертолетов, выполняли комплексы упражнений протяженностью в 24, 36 и 48 часов и натерли себе кучу волдырей.

Мой начальник взвода ранее служил в армейском спецназе, и он сказал мне, что я был выше среднего в командной работе, но средним во всем остальном. Лето я проводил прикомандированным к Королевскому английскому полку и «Королевским зеленым курткам» и лазил по веревкам в Лимпстоуне вместе с настоящими морскими пехотинцами. Я всерьез подумывал о том, чтобы пойти служить в армию.

Мы с Иэном разработали план, чтобы сделать наши вечера

по средам более интересными и продуктивными. Невероятно, но мы, 16-летние подростки, имели право выписывать и получать на руки винтовки и автоматическое оружие, взрывчатку и холостые боеприпасы. Так что по средам мы именно так и развлекались. Придумывали сценарии, а затем бродили, вооруженные до зубов, по местным лесам и расстреливали друг друга.

Я должен рассказать о том, как обстояли дела в школе Оундла. До 1914 года Британская империя нуждалась в технократах. Традиционные государственные школы выпускали государственных служащих с прекрасным знанием греческого и латыни, но надвигавшееся темное будущее требовало лидеров, которые разбирались бы в металлообработке, машиностроении и электронике.

В Оундле сформировалось пространство, ставшее фактически промышленной зоной. Там были алюминиевый, композитный и стекловолоконный цеха, токарные и фрезерные станки, а также деревообрабатывающие, кузнечные и металлообрабатывающие цеха. В течение каждого семестра я проводил неделю одетым в спецовку, учась рубить и резать куски дерева, металла и пластика и собирать из них различные конструкции.

Целью всей этой деятельности было изготовление тисков. Их деревянные половинки отливались в деревянных формах в литейном цеху. Песочные формы мы изготавливали сами, и было множество способов как-нибудь испортить их, чтобы

сделать жизнь менее тоскливой.

Чрезмерная влажность и слишком большое количество песка в форме могли привести к взрыву. Еще лучшим развлечением было оставить отверстие в нижней части формы, чтобы расплавленный алюминий капал на башмаки разливающего – молчаливого ответственного мастера, мистера Мойнихена. Подозреваю, что ему очень нравилось, когда его обувь поджигали. На этот случай у него имелись многослойные ботинки с надетыми на них стальными накладками, шлем из асбеста и толстые перчатки, а также обширный словарный запас, что означало, что никто не пропустит урок литейного дела.

– Гребаные черти! Кто поджег мои гребаные ноги?!

В работе по дереву я был полным рукожопом, хотя мне и удалось спроектировать, а потом сконструировать самое бесполезное и неудобное в мире кресло, а также самый бессмысленный набор книжных полок, которые когда-либо создавались в этом мире. Даже Маурицио Эшер⁸ был бы, пожалуй, озадачен тем, как разместить там свои книги.

В механической мастерской я разбил окна разводным ключом, используя вращение токарного станка в качестве катапульты. Наконец, будучи абсолютным профаном в механике, я уничтожил вертикальный фрезерный станок. Если бы меня сбросили с парашютом на нацистскую фабрику, я

⁸ Маурицио Корнелиус Эшер (1898–1972) – нидерландский художник XX века, известный своими оригинальными взглядами на вопросы пространства.

лучше всех справился бы с миссией диверсанта. Впрочем, конечно же, у меня это случайно получилось. Когда станок раскололся пополам, а на приводном валу сорвалась резьба, я стоял и смотрел, как механизм разваливается на части. Мне было жалко смотреть на ответственного мастера. Он в буквальном смысле плакал, останавливая станок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.